

БОРИС СОКОЛОВ

РАСШИФРОВАННЫЙ
ГОГОЛЬ

ВИЙ
ТАРАС БУЛЬБА
РЕВИЗОР
МЕРТВЫЕ ДУШИ

МОСКВА

2021

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
С59

В оформлении обложки
использована литография П.Ф. Бореля (1829—1898):
Everett Collection/Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Соколов, Борис Вадимович.

С59 Расшифрованный Гоголь. Вий. Тарас Бульба.
Ревизор. Мертвые души / Борис Соколов. —
Москва : Эксмо : Яуза, 2021. — 384 с. — (Рас-
шифрованная литература. Гоголь).

ISBN 978-5-04-118455-1

Николай Васильевич Гоголь — один из самых таинственных и загадочных русских писателей. В этой книге известный литературовед и историк Борис Соколов, автор бестселлера «Расшифрованный Достоевский», раскрывает тайны главных гоголевских произведений.

Как соотносятся образы «Вия» с мировой демонологической традицией? Что в повести «Тарас Бульба» соответствует исторической правде, а что является художественным вымыслом? Какова inferнальная подоснова «Ревизора» и «Мертвых душ» и кто из известных современников Гоголя послужил прототипами героев этих произведений? О чем хотел написать Гоголь во втором томе «Мертвых душ» и почему он не смог закончить свое великое произведение? Возможно, он предвидел судьбу России?

На эти и другие вопросы читатель найдет ответы в книге «Расшифрованный Гоголь».

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

© Соколов Б.В., 2021
© ООО «Издательство «Яуза», 2021
© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-118455-1

К ЧИТАТЕЛЯМ

Николай Васильевич Гоголь — один из самых таинственных, загадочных русских писателей. Человек глубоко верующий, православный, он был не чужд мистики и верил, что черт водит за собой людей, заставляя их совершать злые поступки. Что ж, его соотечественники украинцы веками жили по принципу: «Бога люби, но и черта не гневи».

Четыре наиболее известных в России и мире гоголевских произведения — это «Мертвые души», «Ревизор», «Тарас Бульба» и «Вий». Последняя повесть считается одним из основополагающих произведений в литературе ужасов (horror). «Тарас Бульба» сыграл важную роль в становлении украинского национального самосознания, а его главный герой до сих пор и в России, и на Украине почитается образцом героя, настоящего степного рыцаря, защитника православной веры. «Ревизор» получил мировое признание, и до сих пор эта пьеса не сходит со сцены, причем не только в нашей стране, поскольку вскрытые ею пороки никуда не делись и ее содержание остается актуальным не только для России. Наконец, «Мертвые души», вершинное произведение писателя, великая

поэма в прозе, дала нам столько бессмертных художественных типов, столь часто встречающихся в нашей реальной жизни, что имена героев поэмы давно уже стали нарицательными. Некоторые тайны этих гоголевских шедевров мы попытаемся разгадать в этой книге.

Писатель Дмитрий Мережковский полагал, что Гоголь всю жизнь боролся с чертом и в конце концов проиграл в этой борьбе. Представители недавно появившегося «православного гоголеведения», напротив, полагают, что писатель в последние годы вел жизнь христианского подвижника и умер как настоящий святой — во время Великого поста. Думаю, что на самом деле Гоголь страдал какой-то формой шизофрении, характерной чертой которой является отказ от приема пищи. Как отмечал психиатр Г. В. Сегалин, «шизофрения Гоголя развивалась постепенно. Из шизоидного состояния его первого периода жизни, периода творческих импульсов, развивалась постепенно полная картина шизофрении последнего периода жизни, когда его творческие импульсы иссякли вместе с опустошением его психики». С болезнью была связана и главная причина депрессии, спровоцировавшей роковой исход — затяжной творческий кризис писателя. Гоголь тяжело переживал неуспех книги «Выбранные места из переписки с друзьями», а еще больше — неудачу всех попыток написать второй том «Мертвых душ», показать там, если выражаться словами Достоевского, «положительно прекрасного человека». Но, как мы помним, такой герой у Федора Михайловича, князь Мышкин, окружающими почитается за идиота (что и дало на-

звание великому роману) и в конце концов сходит с ума. Гоголь, быть может, сам ощущал себя подобным «прекрасным человеком» или, по крайней мере, старался стать им, приблизившись к Христу. Он чувствовал в себе потребность к учительству и проповедничеству. В русской жизни истинно прекрасных душой людей он не находил, а то, что пытался изобразить на бумаге, выходило нежизненно. Тогда писатель винил себя, свои грехи (а греховными в конце жизни он считал «Ревизора» и первый том «Мертвых душ»). Демоны терзали его сердце, являлись к нему в видениях. Над душой Гоголя стоял кто-то, пострашнее Вия.

В XX веке, с наступлением в России эпохи революций, созданные Гоголем типы актуализировались, а его гениальные произведения стали восприниматься как весьма точные предсказания судьбы России и русских. Два русских философа, Николай Александрович Бердяев (1874—1948) и Василий Васильевич Розанов (1856—1919), глубже всех, можно сказать, гениально истолковали гоголевское наследие. Василий Васильевич Розанов первым прозрел то темное царство, которое открывается за гоголевскими образами, и по-настоящему ужаснулся этому. «Что же я бешусь? Что же я бешусь? — писал он в 1914 году. — Только Гоголя и ненавижу. «Из него тьма». Мы все «из Гоголя». И гоголевской сути от нас не отмоешь». Также Розанов в статье «Русь и Гоголь», написанной в связи с открытием памятника Гоголю 26 апреля 1909 года, утверждал: «В Пушкине Русь увенчала памятником высшую красоту человеческой души. В Гоголе памятником она венчает высшее могущество слова. Первый своими поэтическими об-

разами, фигурами «Капитанской дочки» и «Годунова» и своей чудной лирикой точно поставил над головою русского народа, тогда бедного и несвободного, тогда малого и незнаемого с духовной стороны в Европе, точно невидимый венец, как на иконах наших пишется золотой нимб над главами святых. Он возвел в идеал и свел к вечному запоминанию русскую простоту, русскую кротость, русское терпение; наконец, русскую всеобъемлемость, русское всепонимание, всепостижение. Не таков Гоголь, сила его — в другом: необъяснимыми тревогами души своей, неразгаданными в источнике и сейчас, он разлил тревогу, горечь и самокритику по всей Руси. Он — отец русской тоски в литературе: той тоски, того тоскливого, граней которого сейчас и предугадать невозможно, как не видно и выхода из нее, конца ее. Не видно и результата ее. Он глубоко изменил настроение русской души. В светлую или темную сторону — об этом не станем спорить, не время сейчас спорить. Но бесспорно остается его сила в этой перемене. И эту-то силу Русь увенчивает памятником». Розанов утверждал, что «не человечество грезило и он один видел правду, но, напротив, оно чувствовало и знало правду, которую и отразило в поэзии всех народов на протяжении тысячелетий, а он сам грезил и свои большие грезы рассказал нам как действительность».

В книге «О понимании» (1886) Розанов отнес Гоголя к художникам-психологам, что, кстати сказать, было явной ошибкой, поскольку психологическим методом Гоголь так и не овладел. Но Розанов весьма своеобразно понимал тип художника-психолога. По его мнению, художник-психолог — это «всегда

больной человек — тот, у кого началось распадение духа, который утратил цельность психической жизни, хотя не до той степени, где начинается помешательство и безумство». При этом «он был до такой степени уединен в своей душе, что не мог коснуться ею никакой иной души: и вот отчего так почувствовал всю скульптурность наружных форм, движений, обликов, положений». Потому-то «мертвым взглядом посмотрел Гоголь на жизнь и мертвые души только увидал он в ней. Вовсе не отразил действительность он в своих произведениях, но только с изумительным мастерством нарисовал ряд карикатур на нее: от этого-то и запоминаются они так, как не могут запомниться никакие живые образы». Пафос творчества Гоголя Розанов усмотрел в «великой жалости к человеку». Вместе с тем Розанов возмущался, что «после Гоголя стало не страшно ломать, стало не жалко ломать. Таким образом, творец «Мертвых душ» и «Ревизора» был величайшим у нас... политическим писателем. Чего жалеть всех «мертвых душ», всех этих собакевичей, плюшкиных, маниловых и коробошек?» Поэтому он называл Гоголя политическим писателем, и вслед за ним эту характеристику повторил Бердяев. Розанов не мог простить писателю, что «нигилизм — немислим без Гоголя и до Гоголя».

В «Легенде о Великом инквизиторе» Розанов видел в Гоголе прежде всего философа, а не литератора: «Гоголь был великий платоник, бравший все в идее, в грани, в пределе (художественном); и, разумеется, судить о России по изображениям его было бы так же странно, как об Афинах времен Платона судить по отзывам Платона. Но в характеристике своей я коснулся души

Гоголя и, думаю, тут ошибся. Тут мы вообще все ничего не знаем о Гоголе. Нет в литературе нашей более неисповедимого лица, и, сколько бы в глубь этого колодца вы ни заглядывали, никогда вы не проникнете его до дна; и даже по мере заглядывания все менее и менее будете способны ориентироваться, потеряете начала и концы, входы и выходы, заблудитесь, измучитесь и воротитесь, не дав себе даже и приблизительно ясного отчета о виденном. Гоголь — очень таинствен; клубок, от которого никто не держал в руках входящей нити. Мы можем судить только по объему и весу, что клубок этот необыкновенно содержателен... Поразительно, что невозможно забыть ничего из сказанного Гоголем, даже мелочей, даже ненужного. Такою мощью слова никто другой не обладал. В общем рисунок его в равной мере реален и фантастичен. Он рассказывает полет бурсака на ведьме («Вий») так, что невозможно не поверить в это как в метафизическую быль; в «Страшной мести» говорит об испуге тоном смертельно боящегося человека. Да, он знал загробные миры; и грех, и святое ему были известны не понаслышке. В то же время в портретах своих, конечно, он не изображает действительность, но схемы породы человеческой он изваял вековечно; грани, к которым вечно приближается или от которых удаляется человек...»

А в статье «О происхождении некоторых типов Достоевского» Розанов утверждал, что смех у Гоголя — демонический, дьявольский: «Достоевский имел одну, так сказать, мимолетно-общую черту с Гоголем, — демоническую: его, как и Гоголя, смех разбирал «до пупика» при мысли, при образе, при самом

имени какого-нибудь «идеального» лица, авторитета, идеала. Помните у Гоголя эту дьявольскую мефистофельскую гримасу:

«Перед ним сидел Шиллер, не тот Шиллер, который написал «Вильгельма Телля» и «Историю Тридцатилетней войны», но известный Шиллер, жестяных дел мастер в Мещанской улице. Возле Шиллера стоял Гофман, не писатель Гофман, но довольно хороший сапожник с Офицерской улицы, большой приятель Шиллера. Шиллер был пьян и сидел на стуле, топая ногою и что-то говоря с жаром. Все это еще бы не удивило Пирогова, но удивило его чрезвычайно странное положение фигур. Шиллер сидел, выставив свой довольно толстый нос и подняв вверх голову, а Гофман держал его за этот нос двумя пальцами и вертел лезвием своего сапожного ножа на самой его поверхности. Шиллер говорил: «Я не хочу, мне не нужен нос! У меня на один нос выходит три фунта табаку в месяц. И я плачу в русский скверный магазин за каждый фунт по 40 коп.; это будет 1 руб. 20 коп., это будет в год 14 р. 40 коп. Слышишь, мой друг Гофман? На один нос 14 р. 40 к.! Да, по праздникам я нюхаю Ране, потому что я не хочу нюхать по праздникам русский скверный табак. В год я нюхаю два фунта Ране, по 2 р. фунт. Шесть да четырнадцать — 20 р. 40 к. на один табак! Это разбой! Я спрашиваю тебя, мой друг Гофман, не так ли? Но я швабский немец, у меня есть король в Германии. Я не хочу носа! Режь мне нос! Вот мой нос!»

Это — дьявол смех... Это — Мефистофель, шулящий со студентами в погребке Ауэрбаха: его голос, его тембр, все его, но в натуре, т. е. я хочу сказать,

что это место с «Гофманом» и «Шиллером» написал настоящий Мефистофель, не выдуманный, не литературный, а какому в самом деле случается бродить по свету...»

Да, великого немецкого писателя-мистика, Эрнста Теодора Амадея Гофмана, Гоголь превратил в петербургского сапожника, чтобы подчеркнуть, что гофмановские сюжеты свободно могут встретиться в обыденной жизни. Розанов первым понял, что Мефистофель корчит гримасу у Гоголя и в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», и в «Миргороде», и в петербургских повестях, и в «Ревизоре», и в «Мертвых душах». Первый бес сопровождал Гоголя всю его творческую жизнь. А когда писатель попытался от него избавиться, то уже не смог создать ничего великого. И тогда Гоголь решил, что ему не стоит жить. Можно сказать, он не перенес той тоски, что пришла вместе с ним в русскую литературу. Трагический парадокс — первый по-настоящему веселый писатель в России оказался и первым по-настоящему трагическим, ибо очень скоро нормальный, здоровый смех сменился смехом сквозь слезы. Такой смех долго вынести его душа не смогла, и писатель умер.

Между прочим, с одним из позднейших «бесов» Достоевского — знаменитым анархистом Михаилом Александровичем Бакуниным (1814—1876), прототипом Ставрогина, Гоголю довелось ехать в одном дилижансе по пути в Дрезден в 1841 году. Но Бакунин тогда еще не был революционером, а просто философом-путешественником, большого впечатления на Гоголя он не произвел, и тот составил о нем скорее нелестное мнение. Тем не менее автор «Ревизи-

ра» и «Мертвых душ» гениально вскрыл все прорехи в русском обществе, куда могли забраться революционные «бесы», и Достоевский уже отталкивался от гоголевского опыта. Это Розанов, а позднее Бердяев хорошо понимали.

Розанов писал в «Последних листьях» (1916), уподобляя гоголевских героев революционным типам: «Если бы Гоголя благородно восприняло благородное общество: и начало трудиться, «восходить», цивилизовываться, то все было бы спасено. Но ведь произошло совсем не это, и нужно заметить, что в Гоголе было такое, чтобы именно «произошло не это». Он писал вовсе не с «горьким смехом» свою «великую поэму». Он писал ее не как трагедию, трагически, а как комедию, комически. Ему самому было «смешно» на своих Маниловых, Чичиковых и Собакевичей, — смех, «уморушка» чувствуется в каждой строке «М. Д.». Тут Гоголь не обманет, сколько ни хитри. Слезы появляются только в конце, когда Гоголь увидел сам, какую чудовищность он наворотил. «Finis Russorum» («Конец Руси» (*лат.*)).

И вот подлю («комически») написанную вещь общество восприняло подлю: и в этом заключается все дело. Чернышевские — Ноздревы и Добролюбовы — Собакевичи заготовили во всю глотку:

— А, так вот она наша стерва. Бей же ее, бей, да убей.

Явилась эра убивания «верноподданными» своего отечества. До 1-го марта и «нас», до Цусимы.

23.I.1916

Действие «М. Д.» и было это: что подсмотренное кое-где Гоголем, действительно встретившееся ему,

действительно мелькнувшее перед его глазом, ГЛАЗОМ, и в чем гениально, бессмысленно и по наитию, он угадал «суть сугей» моральной Сивухи России — через его живопись, образность, через великую схематичность его души — обобщилось и овселенскилось. Дробинки, частицы выросли во всю Русь. «Мертвые души» он не «нашел», а «принес». И вот они «60-е годы», хохочущая «утробушка», вот мерзавцы Благосветовы и Краевские, которые «поучили бы Чичикова». Вот совершенная копия Собакевича — гениальный в ругательствах Щедрин. Через гений Гоголя у нас именно появилось гениальное в мерзостях. Раньше мерзость была бесталанна и бессильна. К тому же ее, естественно, пороли. Теперь она сама стала порооть («обличительная литература»). Теперь Чичиковы стали не только обирать, но они стали учителями общества.

— Все побежало за Краевским. К Краевскому.

У него был дом на Литейном. «Павел Иванович уже оперился».

И в трубу «Отеч. Записок» дал «Евангелие общестственности».

Главную тайну Гоголя Розанов видел в том, что «он показал всю Россию бездоблестной, — небытием. Показал с такой невероятной силой и яркостью, что зрители ослепли и на минуту перестали видеть действительность, перестали что-нибудь знать, перестали понимать, что ничего подобного «Мертвым душам», конечно, нет в живой жизни и в полноте живой жизни. Один вой, жалобный, убитый, пронесся по стране: «Ничего нет...», «Пусто!..», «Пуст Божий мир...» Таким образом, Гоголь произвольно создал карикатуру,

но в этой произвольности была ее сила. Гоголь — манекен, моргающий глазами в бесплодных поисках смысла того, что он написал, а потому, пишет Розанов, «я не решусь удержаться выговорить последнее слово: и д и о т. Он был так же неколебим и устойчив, так же не «сворачиваем в сторону», как лишенный внутри себя всякого разума и всякого смысла человек. «Пишу» и «sic». Великолепно. Но какая же мысль? Идиот таращит глаза, не понимает. «Словечки» великолепны. «Словечки» как ни у кого. И он хорошо видит, что «как ни у кого», и восхищен бессмысленным восхищением, и горд тоже бессмысленной гордостью». Но в 1918 году Василий Васильевич признал, что «революция оправдала Гоголя». В «Опавших листьях» он констатировал: «Перестаешь верить действительности, читая Гоголя. Свет искусства, льющийся из него, заливает все. Теряешь осязание, зрение и веришь только ему». И тут же добавил: «Щедрин около Гоголя как конюх около Александра Македонского.

Да Гоголь и есть Алекс. Мак. Так же велики и обширны завоевания. И «вновь открытые страны». Даже — «Индия» есть.

* * *

Ни один политик и ни один политический писатель в мире не произвел в «политике» так много, как Гоголь.

(за вечерним чаем)».

А в «Уединенном» Розанов особо выделил тип Добчинского как ключевой для понимания новейшей российской истории: «Поразительно, что к гробу Толстого сбежались все Добчинские со всей России,